вступления Австрии в войну. Все эти обстоятельства заставляли Россию спешить с прекращением войны и сказались даже при заключении мирного договора (в отказе от требования независимости Молдавии и Валахии и передачи России одного из островов Архипелага).

Именно намеком на эти события можно объяснить следующие слова текста Гики: «Мы надеялись, что покровительство великодушной сей избавительницы еще раз допустит нас жить под управлением законов, что вольность паки между нами возобновится и что Греция прежней свой вид получит. Надежда толиких выгод, в один миг исчезла, и весьма основательный страх мучительных изтязаний тиранами нашими нам приуготовляемых, как из отмщения, так и для политических причин, наполнил сердца наши горестию и отчаяньем. *Мы должны опасатся, чтоб россияне не положили победоносного оружия своего для другой причины, нежели из почтения к неприятелю.* Да отвратит нас грозящее сие бедство».[31]

Это высказывание сужает возможные границы написания, а следовательно, и перевода брошюры. Очевидно, что автор мог написать приведенные строки только после того, как ослабилось участие России в войне, которое, как мы видели, произошло в конце июля 1771 года. Данное положение подтверждается и числами, стоящими на самой статье: 20 и 29 июля. Таким образом, ее перевод мог быть выполнен Радищевым только не ранее конца августа месяца. Даже если, сразу после написания ее А. Гикой, с брошюрой в очень короткий срок ознакомились и немедленно переслали ее в Лейпциг для перевода, то и при таком предположении на все это не могло потребоваться менее двух недель. Подобному утверждению нисколько не противоречит то, что, как известно, 16 августа (ст. ст.) в «С.-Петербургских ведомостях» появился другой перевод этой же статьи (в связи с чем, очевидно, Радищев и прекращает работу над переводом).

Этот номер «Ведомостей» никак не мог попасть в Лейпциг раньше чем через 10—12 дней, т. е. 26—28 августа (ст. ст. !), даже если его переслали с экстренным курьером, и, следовательно, раньше самого конца августа Радищев не имел никаких оснований прервать свою работу.

Возможно, что статью Гики для быстрого перевода на русский язык направил Радищеву сам А. Г. Орлов (в штабе которого она и была сочинена),[32] запомнивший незаурядного студента еще по пребыванию в Лейпциге в 1768 году и по неоднократным приездам туда и в Дрезден в 1770 и в 1771 годах. Это тем более вероятно, что Орлов вообще прибегал к такого рода публицистике. Так, в 1770 году он обратился с просьбой к Белосельскому, чтобы тот уговорил переводчика Евгения Булгари, жившего в Лейпциге, взяться за перевод на греческий язык одного сочинения и как можно скорее его закончить.[33]

Но не так важно установить, кто в действительности поручил молодому студенту перевод актуальной политической брошюры, как то, что выбран был именно Радищев. Из этого факта видно, что Радищев зарекомендовал себя

---

[31] А. Н. Радищев. Желании греков, к Европе христианской. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 227—228. — Разрядка моя, — *М. А.*

[32] Сб. РИО, 145, 1914, стр. 411.

[33] Булгари отказался от перевода, ссылаясь на то, что он переводит на греческий язык «Наказ Екатерины II» и потому не имеет свободного времени. Подробнее см.: АВПР, фонд «Сношения России с Саксонией», д. 114, 1770 г., л. 108 — письмо Белосельского к Панину от 10/21 апреля 1770 года и на следующем листе — письмо Евгения Булгари Белосельскому от 11 апреля 1770 года.